



AKTUAR MOLIYA VA BUXGALTERIYA HISOBI ILMIY JURNALI

Vol. 5 Issue 09 | pp. 17-28 | ISSN: 2181-1865

Available online <https://finance.tsue.uz/index.php/afa>

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ УЗБЕКИСТАНА: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И БАРЬЕРОВ ВНЕДРЕНИЯ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ



Рашидов Авазбек Рахимович

Ташкентский государственный экономический университет,
независимый исследователь

Аннотация: В статье проведен углубленный анализ текущего состояния системы противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности (ПОД) в банковском секторе Республики Узбекистан с оценкой готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ). Рассмотрены существующие процессы, технологии, пробелы и узкие места. Проведена оценка технической инфраструктуры и кадрового потенциала. Анализ дополнен обзором международного опыта внедрения ИИ в ПОД, включая статистику, примеры эффективности и этапы развития. Проведен сравнительный анализ и Gap-анализ для Узбекистана, на основе которых предложены первоочередные шаги для использования ИИ в целях повышения эффективности национальной системы ПОД. Исследование базируется на анализе нормативно-правовой базы, отчетов международных организаций (ЕАГ, FATF), данных из открытых источников и агрегированной информации о международных практиках.

Abstract: This article provides an in-depth analysis of the current state of the anti-money laundering (AML) system in the banking sector of the Republic of Uzbekistan, with an assessment of readiness for artificial intelligence (AI) technology implementation. The study examines existing processes, technologies, gaps, and bottlenecks. An evaluation of technical infrastructure and human capital capacity is conducted. The analysis is supplemented by a review of international experience in AI implementation for AML purposes, including statistics, efficiency examples, and development stages. A comparative analysis and gap analysis for Uzbekistan are performed, based on which priority steps for AI utilization to enhance the effectiveness of the national AML system are proposed. The research is based on analysis of the regulatory framework, reports from international organizations (EAG, FATF), open-source data, and aggregated information on international practices.

Ключевые слова: ПОД, банковский сектор, искусственный интеллект (ИИ), комплаенс, финансовый мониторинг, оценка рисков, цифровая трансформация, международный опыт, gap-анализ, эффективность, рекомендации, ЕАГ, FATF.

Keywords: AML, banking sector, artificial intelligence (AI), compliance, financial monitoring, risk assessment, digital transformation, international experience, gap-analysis, effectiveness, recommendations, EAG, FATF.

Введение

Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём (ПОД), представляет собой ключевое направление обеспечения финансовой и экономической безопасности государства [1]. В условиях глобализации и стремительной цифровизации злоумышленники используют всё более сложные схемы отмывания, что требует постоянного совершенствования инструментов контроля и мониторинга со стороны регуляторов и финансовых институтов.

Республика Узбекистан, активно развивающая банковский сектор и интегрирующаяся в международную финансовую систему, предпринимает шаги по гармонизации национальной системы ПОД с рекомендациями FATF [3], [8]. Особый интерес вызывает потенциал технологий искусственного интеллекта (ИИ), способных существенно повысить эффективность выявления подозрительных операций, анализа клиентских профилей и автоматизации рутинных процедур комплаенса [4], [6].

Международный опыт демонстрирует значительные выгоды от использования ИИ в ПОД, включая снижение операционных затрат и ложноположительных срабатываний [6]. Однако реализация ИИ-решений сопряжена с вызовами: необходимостью качественных данных, развитой ИТ-инфраструктуры, соответствующих нормативных условий и кадровой подготовки [2], [9].

Искусственный интеллект (ИИ) как научная дисциплина прошел длительный путь развития, начиная с середины XX века. Понимание и определение ИИ претерпело значительные изменения, отражающие эволюцию технологических возможностей и теоретических подходов. Анализ исторических и современных определений ИИ позволяет проследить трансформацию концептуальных представлений об этой области знаний.

Как известно, искусственный интеллект как междисциплинарная область знаний имеет множество трактовок: от узкого понимания как совокупности алгоритмов машинного обучения, до широкого определения как способности машин выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта.

Формирование понятийного аппарата ИИ связано с именами выдающихся ученых середины XX века, заложивших основы данной научной дисциплины.

Марвин Минский, один из основателей лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института (MIT AI Lab), определил ИИ как «науку о том, как заставить машины делать вещи, которые потребовали бы интеллекта, если бы их делали люди». Данное определение фокусируется на

функциональном аспекте ИИ, подчеркивая способность машин выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта.

Джон Маккарти, создатель самого термина «искусственный интеллект» и основатель лаборатории ИИ в Стэнфордском университете, ввел данное понятие на Дартмутской конференции 1956 года. Маккарти считается одним из «отцов-основателей» искусственного интеллекта наряду с Аланом Тьюрингом, Марвином Минским, Алленом Ньюэллом и Гербертом Саймоном. Их вклад в формирование концептуальных основ ИИ определил векторы развития данной области на десятилетия вперед.

В современном научном определении развитие технологий и углубление теоретических исследований привели к появлению более детализированных и многоаспектных определений ИИ.

Энциклопедия Britannica определяет искусственный интеллект как «способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с разумными существами». Данное определение подчеркивает техническую природу ИИ и его связь с вычислительными системами.

IBM предлагает корпоративное определение ИИ как «технологии, которая позволяет компьютерам и машинам моделировать человеческое обучение, понимание, решение проблем, принятие решений, творчество и автономию». Это определение акцентирует внимание на широком спектре когнитивных функций, которые может воспроизводить ИИ.

Методы и обсуждение

Научная медицинская литература (PMC) рассматривает ИИ как систему, которая «относится к симуляции человеческого интеллекта системой или машиной. Цель ИИ –разработать машину, которая может думать, как люди и имитировать человеческое поведение, включая восприятие, рассуждение, обучение, планирование, прогнозирование и так далее».

Калифорнийский технологический институт определяет искусственный интеллект как «приложение или машину, которая имитирует человеческий интеллект», что представляет собой лаконичную формулировку, фокусирующуюся на имитационном аспекте ИИ.

Национальный институт биомедицинских изображений и биоинженерии (NIBIB) характеризует ИИ как «способность машин учиться через опыт и приобретать навыки через примеры, а не только выполнять вычисления по инструкциям пользователей-людей». Данное определение подчеркивает адаптивные возможности современных систем ИИ.

Представленные определения демонстрируют эволюцию понимания ИИ от простого выполнения задач, требующих интеллекта, до сложных систем, способных к обучению, адаптации и автономному принятию решений. Современные определения отражают переход от детерминистических алгоритмических подходов к системам машинного обучения и глубокого обучения, способным к самосовершенствованию и адаптации.

Анализируя представленные концептуальные подходы к определению ИИ, необходимо отметить, что наиболее применимой в банковском секторе, на наш взгляд, является трактовка, предложенная IBM. Данное определение подчеркивает способность ИИ-систем «моделировать человеческое обучение, понимание, решение проблем, принятие решений, творчество и автономию», что в полной мере соответствует требованиям банковской деятельности.

Таким образом, в контексте банковского сектора ИИ-системы должны обеспечивать:

- Автоматизированное принятие решений по кредитованию на основе анализа больших данных
- Персонализацию банковских продуктов и услуг
- Выявление мошеннических операций в режиме реального времени
- Оптимизацию инвестиционных портфелей
- Автоматизацию клиентского сервиса через чат-боты и виртуальных помощников

Указанная трактовка ИИ наиболее полно отражает многофункциональность и адаптивность, необходимые для эффективного функционирования банковских ИИ-систем в условиях динамично изменяющейся финансовой среды.

В Узбекистане согласно Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года, ИИ рассматривается как комплекс технологий, способных анализировать данные, обучаться и принимать решения для повышения эффективности различных сфер деятельности. В контексте данного исследования поддерживается прикладная трактовка ИИ как инструмента автоматизации аналитических процессов в финансовом мониторинге, включающего технологии машинного обучения, обработки естественного языка и поведенческого анализа для выявления аномалий в транзакционной деятельности. Технологии ИИ активно внедряются в банковском секторе республики: от автоматизированного скоринга в кредитовании до систем анализа финансовых операций, что создает предпосылки для их применения в сфере противодействия отмыванию доходов. Данная тенденция отражает общемировой тренд цифровизации комплаенс-функций и требует системного подхода к интеграции ИИ в существующие процессы финансового мониторинга.

Цель настоящего исследования – оценка готовности банковского сектора Узбекистана к внедрению технологий ИИ в систему ПОД с учётом международной практики [5]. В рамках работы решены следующие задачи:

- проведён аудит текущих процессов и технологий ПОД в банках Узбекистана;
- выявлены основные проблемы и узкие места;
- оценена техническая и кадровая готовность;
- изучен международный опыт ИИ в ПОД;
- проведён сравнительный и Gap-анализ;
- сформулированы практические рекомендации.

Исследование основано на действующем законодательстве Республики Узбекистан, соответствующих подзаконных актов, Отчета взаимной оценки Республики Узбекистан Евразийской группы по противодействию легализации

преступных доходов (ЕАГ) за 2022 год, а также данных из открытых источников и агрегированной информации о международных практиках и эффективности ИИ-решений.

Система ПОД в банковском секторе Узбекистана базируется на законодательстве, приведённом в соответствие с международными стандартами. Основным нормативным актом является Закон Республики Узбекистан №660-II от 26 августа 2004 года [1], регулирующий деятельность по противодействию отмыванию доходов, финансированию терроризма и распространению ОМУ. Он определяет ключевые принципы, обязанности финансовых учреждений и механизмы внутреннего контроля.

Законодательство дополняется указами Президента, постановлениями Кабинета Министров и нормативными актами ЦБ, регламентирующими внутренний контроль, мониторинг валютных операций, замораживание активов и взаимодействие с международными санкционными механизмами.

В части цифровизации действуют Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» и документы по внедрению технологий ИИ, что закладывает нормативную основу для цифровой трансформации в банковском секторе, включая сферу ПОД.

Ключевыми органами в национальной системе ПОД/ФТ/ФРОМУ являются:

- Подразделение финансовой разведки (ПФР) — Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генпрокуратуре, координирующий сбор информации, санкционные списки и межведомственное взаимодействие [5].
- Центральный банк Узбекистана (ЦБУ) — осуществляет надзор и контроль за соблюдением законодательства в банковской и небанковской финансовой системе [5].

Банки обязаны реализовывать процедуры КУС, внутреннего контроля, анализа рисков, выявления подозрительных операций и отчётности [2], [4]. Эти механизмы формируют институциональную основу для функционирования системы ПОД и являются критически важными при переходе к более автоматизированной модели с применением ИИ.

Анализ отчёта взаимной оценки Республики Узбекистан (MER 2022) Евразийской группы (ЕАГ) [5], а также других источников, выявил ряд существенных ограничений, снижающих эффективность действующей системы ПОД и представляющих препятствия для внедрения ИИ. К ним относятся:

Финансовые расследования. До 2021 года практика параллельных финансовых расследований отсутствовала. Органы следствия сосредотачивались на базовых предикатных преступлениях, часто игнорируя финансовую компоненту. Значительное число выявленных случаев касалось самоотмывания, без использования сложных схем.

Санкции и правоприменение. Санкции за нарушения законодательства в сфере ПОД/ФТ существуют, но их применение ограничено. Особенно слаб контроль в отношении юридических лиц. Также отсутствуют действенные механизмы наказания за нераскрытие информации о бенефициарных владельцах.

Конфискация активов. Конфискация используется преимущественно в рамках уголовного процесса. Отсутствуют действенные инструменты досудебной или гражданской конфискации, что снижает способность государства изымать активы, полученные преступным путём.

Риски финансирования терроризма. Несмотря на признание таких рисков, уровень их оценки остаётся ограниченным. В отчёте ЕАГ отмечается недооценка внутреннего финансирования терроризма и отсутствие инициатив по включению лиц в санкционные списки ООН.

Надзор за нефинансовыми организациями. В секторе нефинансовых учреждений (УНФПП) надзор недостаточен. Санкции за несоблюдение требований ПОД/ФТ в этом сегменте практически не применяются, в отличие от банковского сектора, где регулятор более активен.

Прозрачность юридических лиц. Регистраторы юридических лиц не обязаны проверять достоверность представленных сведений. Риски, связанные с провайдерами бухгалтерских и юридических услуг, также остаются вне поля контроля.

Реализация риск-ориентированного подхода. Хотя декларативно риск-ориентированный подход применяется, на практике его реализация слаба. Банки не всегда корректно дифференцируют меры КУС и мониторинга в зависимости от уровня риска клиента или операции.

Качество данных. Отчётность и качество данных, передаваемых в ПФР, оставляют желать лучшего. Недостаточная стандартизация и несвоевременность предоставления информации могут привести к пропущенным случаям подозрительных транзакций.

В совокупности эти ограничения создают барьеры для автоматизации процессов и внедрения ИИ, так как:

- ИИ требует стабильного потока качественных, верифицированных и структурированных данных;
- прозрачность юридических лиц и доступность бенефициарной информации критически важны для риск-профилирования;
- слабость в финансовых расследованиях и санкционной практике затрудняет построение обучающих выборок для ИИ-моделей.

В последние годы банковский сектор Узбекистана демонстрирует заметный прогресс в цифровизации. Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» и развитие платформы MyID для биометрической идентификации клиентов закладывают инфраструктурную основу для интеграции интеллектуальных систем в процессы ПОД.

Автоматизация текущих процессов. Большинство банков уже используют автоматизированные системы мониторинга транзакций и процедур КУС. По данным отчета ЕАГ (MER 2022), учреждения осведомлены о своих обязанностях и внедряют процедуры внутреннего контроля, включая автоматизированные системы управления рисками.

Интеграция с цифровыми платформами. Развиваются мобильные банковские приложения, онлайн-банкинг и интеграция с государственными сервисами. Эти

технологии создают каналы для удалённой идентификации и автоматизированного анализа клиентских операций, что важно для ИИ.

Оценка новых рисков. Банки внедряют процедуры предварительной оценки рисков новых продуктов и услуг. Отмечены случаи, когда служба комплаенс отказывалась от внедрения новых решений из-за высоких рисков отмывания, что говорит о наличии минимальных механизмов риск-менеджмента.

Несмотря на общую положительную динамику, полноценное внедрение ИИ наталкивается на ряд системных ограничений:

- Качество и структура данных. ИИ требует больших объёмов чистых, структурированных и актуальных данных. На практике, банки сталкиваются с дублированием, несоответствием форматов и низким качеством исторической информации.
- Интеграция систем. Внедрение ИИ требует сопряжения с существующими банковскими платформами и системами ПОД. Это требует существенных доработок, а в ряде случаев — полной модернизации устаревших решений.
- Кибербезопасность. Использование ИИ увеличивает риски утечки и манипуляции чувствительными данными, а также атаки на сами модели. Это повышает требования к защите как инфраструктуры, так и логики алгоритмов.
- Отсутствие стандартов. Недостаточная регламентация внедрения ИИ в комплаенс-процессы создает правовую неопределенность. Финансовые организации не имеют чёткого представления о допустимых границах использования ИИ в ПОД.

Таким образом, банковский сектор Узбекистана обладает инфраструктурными заделами для цифровой трансформации: используются автоматизированные системы, интегрируются биометрические и государственные сервисы, развивается дистанционное обслуживание. Однако для внедрения ИИ в ПОД необходимо устранить барьеры, касающиеся качества данных, нормативной определённости, интеграции и безопасности.

Вместе с тем, эффективность системы ПОД напрямую зависит от квалификации сотрудников банков и органов контроля. В условиях внедрения новых технологий, включая ИИ, требования к компетенциям персонала значительно возрастают.

Законодательство Узбекистана, а также положения Центрального банка, устанавливают обязательные требования к организации внутреннего контроля и регулярному обучению сотрудников в сфере ПОД. Предусмотрена систематическая переподготовка, особенно для ответственных за комплаенс лиц.

Несмотря на наличие формальных требований, отчёт ЕАГ выявил ряд слабых мест:

- отсутствие единых стандартов обучения,
- неполное охватывание всех категорий сотрудников,
- обучение зачастую ограничивается ответственным лицом,
- при приёме на работу не всегда проводится проверка знаний или репутации,
- уровень понимания рисков ПОД зависит от размера и специализации учреждения.

Таким образом, подход к обучению остаётся фрагментарным и не обеспечивает системного формирования навыков, особенно в контексте цифровой трансформации.

Отдельные организации начинают внедрять модули, связанные с ИИ и анализом данных. Примером является образовательный интенсив от School 21 для АО «Банк Развития Бизнеса». Также существует Международный сетевой институт в сфере ПОД/ФТ, предоставляющий обучение и сертификацию по современным комплаенс-направлениям.

Для полноценной интеграции ИИ в сферу ПОД, от специалистов требуется сочетание следующих компетенций:

- понимание принципов работы алгоритмов машинного обучения,
- интерпретация результатов ИИ-моделей,
- работа с большими данными и системами визуализации,
- умение ставить задачи для дата-аналитиков,
- базовые знания кибербезопасности и цифровой этики.

На сегодняшний день дефицит кадров, сочетающих знания в ПОД и ИИ/аналитике данных, становится одним из ключевых ограничений. Без соответствующей подготовки даже самые совершенные ИИ-системы будут использоваться неэффективно. Рекомендуется:

- Включение цифровых модулей (ИИ, Data Science, аналитика) в базовые и продвинутое курсы по ПОД.
- Разработка государственных стандартов подготовки кадров для ПОД в условиях цифровой трансформации.
- Стимулирование партнёрства с международными образовательными центрами.
- Введение требований к минимальному уровню цифровой грамотности при найме сотрудников в комплаенс-подразделения.

К примеру, ведущие банки мира активно используют ИИ в комплаенс-процессах: до 70% ложноположительных срабатываний устраняются, автоматизируются КУС, анализ транзакций и генерация SAR [6], [10]. Экономия на комплаенс-процессах достигает 30–60% [6].

Несмотря на то, что Узбекистан находится на подготовительной стадии внедрения ИИ в сферу ПОД, уже зафиксированы первые попытки применения таких технологий:

- АО «Узпромстройбанк» внедрил ИИ-систему для анализа финансовых операций и выявления подозрительных транзакций.
- АО «Асакабанк» использует ИИ для автоматизированного скоринга автокредитов – заявка обрабатывается менее чем за 5 минут.

Эти примеры свидетельствуют о наличии интереса со стороны банковского сектора к новым технологиям. Однако масштаб внедрения ограничен, а применение ИИ пока не затрагивает комплаенс или системы ПОД в полном объёме.

Исследования и практика ведущих банков мира демонстрируют высокий уровень внедрения ИИ в систему ПОД.

Уровень проникновения:

- Более 62% крупных банков (с активами свыше \$21 млрд) уже используют ИИ в сфере ПОД (SymphonyAI, 2023).

- Более 40% банков-корреспондентов применяют ИИ, ещё 30% планируют его внедрение (Deloitte/ThetaRay, 2024).

Экономический эффект:

- Согласно Napier AI, потенциал экономии за счёт применения ИИ в ПОД составляет до \$3,1 трлн в год глобально.

- Tookitaki и другие поставщики решений сообщают о снижении затрат на комплаенс до 60% в банках, применяющих ИИ.

Эффективность:

- Снижение ложноположительных срабатываний на 33–70%.
- Повышение релевантности оповещений (alert quality).
- Улучшение качества отчётов о подозрительной деятельности (SAR/STR).
- Оптимизация комплаенс-процессов и устранение «накопленных дел» (backlog).

Таблица 1

Сравнительный анализ: международный опыт и Узбекистан¹

Показатель	Международная практика	Текущее состояние в Узбекистане
Уровень внедрения ИИ	Широкомасштабное применение ИИ в ПОД (более 60% банков)	Подготовительная стадия, единичные пилоты
Основной фокус	Оптимизация комплаенс, снижение затрат, повышение эффективности	Соблюдение базовых требований ПОД, цифровизация услуг
Используемые технологии	ML, поведенческий анализ, KYC-автоматизация	Стандартные автоматизированные системы, без ИИ/ML
Кадровый потенциал	Наличие экспертов в Data Science и ПОД	Острый дефицит специалистов с междисциплинарной подготовкой
Регуляторная среда	Руководства FATF, гибкое регулирование	Отсутствие специфического регулирования ИИ в ПОД
Стратегический приоритет	Целевая цифровизация, ROI-ориентированное развитие ИИ	Инициативы без координированной стратегии по ПОД

Вывод: международные банки переходят к системной цифровой трансформации ПОД, опираясь на ИИ. Узбекистан пока формирует предпосылки для этого перехода: нормативную базу, инфраструктуру и пилотные проекты. Ключевая задача — устранение стратегических и операционных разрывов.

¹ Разработано автором

Gap-анализ выявляет критические несоответствия (разрывы) между состоянием системы ПОД в Узбекистане и лучшими международными практиками. Эти разрывы необходимо устранить для эффективного внедрения ИИ.

Таблица 2

GAP-анализ: Узбекистан и международная практика²

№	Область	Международная практика	Состояние в Узбекистане	Разрыв (Gap)
1	Технологическое внедрение	Широкое применение ИИ/ML в мониторинге транзакций, KYC, оценке рисков	Использование базовых автоматизированных систем	Отсутствие масштабного применения ИИ, стадия подготовки
2	Качество данных	Использование очищенных, стандартизированных наборов данных	Проблемы с полнотой, структурой и своевременностью данных	Недостаточная база для обучения и применения ИИ
3	Кадровый потенциал	Подготовленные специалисты с навыками в Data Science и ПОД	Дефицит кадров с междисциплинарной экспертизой	Отсутствие компетенций для внедрения, настройки и интерпретации ИИ
4	Регуляторная среда	Гибкие рекомендации FATF, «песочницы», стандарты валидации ИИ	Отсутствие специфических нормативов по ИИ в ПОД	Неопределённость правового поля, риски юридической коллизии
5	Инфраструктура и интеграция	Интегрированные платформы, API-ориентированные системы	Устаревшие системы, слабая совместимость	Необходимость масштабной технической модернизации
6	Стратегический фокус	ИИ как драйвер повышения эффективности ПОД	Цифровизация как общая цель, без выделенного направления ПОД	Отсутствие национальной стратегии цифровизации комплаенса и ПОД

Вывод по GAP-анализу

Узбекистан обладает фундаментом — законодательной базой и начальной цифровой инфраструктурой. Однако отсутствие стратегического плана, недостаточная регуляторная определённость, дефицит квалифицированных кадров и низкое качество данных существенно ограничивают возможности для внедрения ИИ в сферу ПОД.

² Разработано автором

Всё вышеперечисленное должно лечь в основу эволюционного перехода от автоматизации к интеллектуализации процессов ПОД. Такой подход позволит Узбекистану двигаться в русле глобальных трендов, обеспечив эффективность, прозрачность и устойчивость своей финансовой системы.

Заключение

Внедрение искусственного интеллекта в систему ПОД/ФТ в Узбекистане представляет собой стратегическую возможность для повышения устойчивости финансового сектора. Проведённый анализ показал, что страна обладает нормативной и институциональной основой, однако уровень автоматизации, качество данных, кадровый потенциал и регуляторная среда пока не соответствуют требованиям внедрения ИИ.

Сравнение с международной практикой выявило серьёзные разрывы, включая технологическую неготовность, недостаточную интероперабельность систем, слабую подготовку персонала и отсутствие национальной стратегии по внедрению ИИ. Международный опыт указывает на то, что эффективное использование ИИ может снизить количество ложноположительных срабатываний до 70%, существенно повысить релевантность уведомлений и оптимизировать затраты на комплаенс-процессы.

Для Узбекистана необходима реализация следующих шагов: (1) разработка дорожной карты цифровой трансформации ПОД; (2) стандартизация и очистка данных; (3) запуск пилотных ИИ-проектов в банках; (4) модернизация ИТ-инфраструктуры; (5) реформирование программ подготовки специалистов в сфере ПОД с акцентом на цифровые навыки и анализ данных.

Согласованная реализация указанных мер позволит Узбекистану преодолеть барьеры и перейти от теоретической готовности к практическому применению ИИ в целях повышения эффективности национальной системы противодействия отмыванию доходов и соответствия международным стандартам.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Узбекистан «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» (Новая редакция). Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/284542>.

2. Указ Президента РУз № УП-6252 от 28.06.2021 г. «Об утверждении стратегии развития национальной системы Республики Узбекистан по противодействию легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения». Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/5482739>

3. Постановление Кабинета Министров РУз №402 от 29.06.2021 г. «О дополнительных мерах по реализации Закона Республики Узбекистан «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения». Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/5489518>.

4. Положение о порядке приостановления операций и замораживания средств лиц из санкционных перечней (Приказ Генерального прокурора РУз, зарег. Минюстом №3327 от 19.10.2021 г.). Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/5688109>.
5. Положение о порядке мониторинга за обоснованностью проведения валютных операций (Постановление ГНК, ГТК и ЦБ, зарег. Минюстом №2467 от 12.06.2013 г.). Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/2186012>.
6. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-6079 от 05.10.2020г. «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации». Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/5031048>.
7. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-4996 от 17.02.2021г. О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта. Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/5297051>.
8. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-158 от 11.09.2023г. «О Стратегии «Узбекистан – 2030». Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6600404>.
9. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-308 от 14.09.2023г. «О дополнительных мерах по улучшению рейтинга Республики Узбекистан в отчете Организации Объединенных Наций «Исследование электронного правительства» Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6612610>.
10. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-358 от 14.10.2024г. «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». Lex.uz. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/7158606>.
11. Правила внутреннего контроля по противодействию легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в банках (Пер. № 2886 от 23.05.2017). Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/3212192>.
12. Противодействие отмыванию доходов: международные стандарты и практика / под ред. А. Ю. Васильева. – М.: Юрайт, 2022. – 356 с.
13. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach: The Banking Sector. – Paris: FATF, 2021. – 78 p.
14. Малахов В. А. Искусственный интеллект и цифровая трансформация в финансовом секторе. – М.: Финансы и статистика, 2023. – 288 с.
15. ЕАГ. Отчет взаимной оценки Республики Узбекистан. – М.: ЕАГ, 2022. – 112 с.
16. Kelleher J., Tierney B. Data Science for Compliance: AI and AML. – London: Springer, 2020. – 214 p.
17. Михеев В. И. Финансовая безопасность: теория и практика. – М.: КноРус, 2021. – 272 с.
18. FATF. Международные стандарты по ПОД/ФТ. – Париж: FATF, 2023. – 102 с.
19. Подоляк А. И., Лазарев И. В. Технологии ИИ в банковском мониторинге. – СПб.: Питер, 2022. – 240 с.
20. Власов С. Н. Комплаенс-контроль в банке. – М.: Проспект, 2021. – 198 с.

Copyright: © 2025 by the authors. This work is licensed under a Creative Commons Attribution- 4.0 International License (CC - BY 4.0)

